

Сю Эжен

Вечный жид

Часть 9

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Э28

Э28 **Эжен С.**
Вечный жид: Часть 9 / Сю Эжен – М.: Книга по Требованию, 2023. – 190 с.

ISBN 978-5-519-76137-6

ISBN 978-5-519-76137-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ща были замѣнены толстыми свинцовыми досками, тщательно запаянными, которыя еще сверхъ того защищались желѣзными рѣшетками вдѣланными въ камень. Сверхъ того, чтобъ защитить домъ совершенно отъ воздуха и свѣту, и отъ всякаго внутренняго и внѣшняго поврежденія, кровля была устлана толстыми свинцовыми досками, а высокія трубы задѣланы кирпичемъ и прикрыты свинцомъ.

Тѣ-же самыя предосторожности употреблены были и съ четверугольнымъ, находившимся на верху дома, бельведеромъ, котораго стекольчатая клѣтка была какъ-бы свинцовымъ футляромъ, спаяннымъ по краямъ. Впрочемъ, по какой-то странной прихоти, въ каждой изъ этихъ четырехъ досокъ, обращенныхъ на четыре стороны свѣта продѣлано было по семи круглыхъ дырочекъ, расположенныхъ въ видѣ креста, которыя ясно были видны снаружи.

Во всѣхъ другихъ мѣстахъ, свинцовыя доски, которыми были закрыты окна, находились цѣльными. Благодаря этимъ предосторожностямъ и прочной постройкѣ дома, надобилось дѣлать только нѣкоторыя поправки снаружи; внутренность-же дома, въ продолженіи полутора столѣтій, совершенно устраненная отъ вліянія наружнаго воздуха, оставалась въ томъ-же самомъ видѣ, въ какомъ была при закрытіи этого жилища.

Видъ растрескавшихся стѣнъ, изломанныхъ

ставней, полуразрушившейся кровли и оконъ, заросшихъ травю, былъ-бы не такъ печаленъ, какъ видъ этого дома, обложеннаго свинцомъ и желѣзомъ, и сохраняемаго какъ гробница.

Садъ, совершенно запущенный, въ который ходилъ только смотритель Самуилъ, представлялъ, особенно лѣтомъ, странную чащу кустовъ и ползучихъ растений. Деревья, предоставленные самимъ себѣ, разрослись во всѣ стороны и перепутались вѣтвями; дикій виноградъ обвился вокругъ стволовъ деревьевъ и опуталъ даже самыя верхнія вѣтви сѣткою своихъ усиковъ.

Ходить въ этомъ дѣвственномъ лѣсу можно было только по тропинкѣ, протоптанной смотрителемъ, который отправлялся отъ дома къ рѣшеткѣ и возвращался тѣмъ-же путемъ. Вокругъ дома, для стоку воды, устроена была лещадная настилка, футовъ въ десять шириною.

Вдоль каменной ограды шла еще тропинка, по которой всякую ночь бѣгали двѣ или три огромныя пиринейскія собаки, коихъ вѣрная порода не переводилась въ этомъ домѣ въ продолженіе полутора ста лѣтъ.

Таково было жилище, назначенное мѣстомъ свиданія потомкамъ фамиліи Реннепонъ.

Ночь съ 12 на 13 февраля была уже наисходѣ.

Погода утихла, дождь прекратился, луна сіяла кроткимъ блескомъ и бросала меланхолическій блескъ на это безмолвное, покинутое жилище, чрезъ порогъ котораго въ продолженіи полутора ста лѣтъ не переступала нога человѣческая.

Яркій свѣтъ, выходявшій изъ окна квартиры зрителя, доказывалъ, что Еврей Самуилъ еще не спитъ.

Представьте себѣ довольно обширную комнату, обитую съ верху до низу орѣховымъ деревомъ, почернѣвшимъ отъ времени; двѣ волюнху тухлія головни курились въ каминѣ, посреди охладѣвшаго пещла; на доскѣ атаго каминна, выкрашеннаго подъ цвѣтъ сѣраго гранита, стоялъ старый желѣзный шандалъ и въ немъ тонкая сальная свѣчка съ гасильникомъ; подлѣ лежали пара дуствольныхъ пистолетовъ и охотничій ножъ, коего чеканная бронзовая рукоятка принадлежала XVII столѣтію; далѣе, у одного изъ пилястровъ каминна, стоялъ тяжелый карабинъ.

Четыре скамѣйки безъ спинокъ, дубовый шкафъ и четвероугольный столъ на крученыхъ ножкахъ, составляли всю мебель въ этой комнатѣ. На стѣнахъ висѣли въ симметрическомъ порядкѣ ключи разной величины, но судя по ихъ формѣ, старинные; къ кольцамъ ихъ привязаны были ярлыки.

Задняя стѣнка дубоваго шкафа была подвижная, съ потаенными пружинами; за нею вдѣланъ былъ въ стѣну широкій и глубокий желѣзный сундукъ; подъ его поднятою крышею видѣнъ былъ превосходный механизмъ одного изъ тѣхъ флорентинскихъ замковъ XVI вѣка, которые лучше всѣхъ новѣйшихъ изобретсній, предохраняли сундуки отъ воровъ. Внутренность сундука, по понятіямъ тогдашняго времени, была обложена толстою аміантовою холстиною, державшуюся въ нѣкоторомъ разстояніи отъ стѣнокъ сундука на золотыхъ проволокахъ и предохранявшая, въ случаѣ пожара, отъ огня находившіяся въ сундукѣ деньги и вещи.

На скамѣйкѣ стоялъ большой кедровый ларецъ, вынутый изъ этого сундука; въ немъ лежало множество бумагъ, тщательно расположенныхъ и съ надписями.

При свѣтѣ мѣдной лампы старикъ Самуилъ вписывалъ въ небольшой реестръ то, что жена его, Іезавель, диктовала ему по записной книжкѣ.

Самуилу было тогда около осмидесяти двухъ лѣтъ, и не смотря на такую старость, голова его еще была прикрыта свѣжими, но густыми и курчавыми волосами; онъ былъ небольшого росту и очень сухощавъ; но живость его движеній доказывала, что годы не ослабили его энергіи и дѣятельности, хотя при выходѣ изъ дому, что случалось впрочемъ весьма рѣдко, онъ притворялся дряхлымъ старикомъ, дожив-

шимъ почти до ребячества, какъ говорилъ Роденъ аббату д'Эгрийи.

Старый шлафрокъ изъ бархату каштановаго цвѣта, съ широкими рукавами, закрывалъ старика отъ головы до ногъ.

Черты Самуила представляли чистый восточный типъ его племени; цвѣтъ лица у него былъ матовый, желтоватый, подбородокъ съ небольшимъ клочкомъ сѣдой бороды; его выдавшіяся скулы бросали довольно рѣзкую тѣнь на его морщинистыя, впалыя щеки. Физіономія его выражала смышленость, тонкость и прозорливость. Его широкій, возвышенный лобъ означалъ прямодушіе, откровенность и твердость характера; его глаза, черные и блестящіе, какъ у Араба, бросали пронизательные и кроткіе взгляды.

Жена Самуила, Іезавель, пятнадцатую годами моложе своего мужа, отличалась высокимъ ростомъ и была вся въ черномъ. Плоскій чепецъ, изъ накрахмаленнаго линону, напоминавшій собою головной уборъ пожилыхъ голландскихъ женщинъ, облегалъ ея блѣдное, строгое лицо, которое нѣкогда сіяло гордою, рѣдкою красотою, совершенно еврейскаго характера; нѣсколько морщинъ на лбу, происходившихъ отъ того, что Іезавель безпрестанно почти хмурила свои сѣдыя брови, показывали, что эта женщина часто находилась подъ бременемъ глубокой горести.

Даже въ эту самую минуту фзiономiя Iезавели обличала невыразимую скорбь: глаза ея были неподвижны, голова поникла на грудь; она опустила на колѣни правую руку, въ которой держала небольшую записную книжечку, а въ лѣвой судорожно сжимала большую тесьму изъ черныхъ, какъ смоль, волосъ, висѣвшую у ней на шеѣ. Тесьма эта застегивалась золотымъ фермоаромъ въ квадратный дюймъ; подъ стекломъ, вставленнымъ въ фермоаръ, видѣлся кусокъ холста, четверугольно сложенный и почти совершенно покрытый темнокрасными пятнами, походившими на цвѣтъ давно засохшей крови.

Послѣ минутнаго молчанiя, во время котораго Самуиль писалъ въ реестръ, онъ прочелъ вслухъ написанное:

«Съ другой стороны, 5,000 облигацiй австрiйскаго займа, въ 1,000 флориновъ, выданныхъ 19 октября 1826 года.»

Послѣ этой нумерацiи, Самуиль приподнялъ голову и спросилъ:

—Такъ-ли, Iезавель? Сравнила-ли ты съ записной книжкой?

Iезавель не отвѣчала.

Самуиль посмотрѣлъ на нее и, замѣтивъ ея глубокую скорбь, сказалъ ей съ выраженiемъ нѣжной заботливости:

—Что съ тобою, Іезавель?... Да, Боже мой, что съ тобою?

— 19 Октября 1826 года! сказала она медленно, не сводя глазъ съ одного мѣста, пожимая еще крѣпче въ рукѣ тесьму изъ черныхъ волосъ, висѣвшую у ней на шеѣ. О, это гибельное число, Самуилъ! Это число стояло на послѣднемъ письмѣ, которое мы получили отъ....

Іезавель не могла продолжать, испустила глубокій стонъ и закрыла лице руками.

—Понимаю, понимаю! возразилъ старикъ измѣнившимся голосомъ. Отецъ можетъ быть развлеченъ важными дѣлами, но материнскому сердцу все постороннее чуждо.

И бросивъ письмо на столъ, Самуилъ съ глубокимъ уныніемъ положилъ голову на руки.

Іезавель продолжала, какъ-бы находя горестное наслажденіе въ этихъ жестокихъ воспоминаніяхъ:

—Да, этотъ день былъ послѣднимъ, въ который нашъ Авель писалъ намъ изъ Германіи, что употребилъ, по твоему приказанію, ввѣренныя ему капиталы и ѣдетъ въ Польшу, чтобы сдѣлать тамъ новую спекуляцію... и въ Польшѣ ожидала его смерть! Бѣднякъ не доѣхалъ, и былъ убитъ на дорогѣ. Одинъ изъ нашихъ родичей нашелъ его въ лѣсу умирающаго, со всеми признаками мученической смерти. Онъ отрезалъ локонъ его прекрасныхъ черныхъ волосъ, и вотъ

эти волосы, да кусокъ холстины, смоченный кровью нашего милаго сына, — вотъ все, что намъ отъ него осталось!... вскричала Іезавель, покрывая судорожными поцѣлуями тесъму волосъ и медальонъ.

— Да, сказалъ Самуиль, отирая слезы, которыя при этомъ жестокомъ воспоминаніи текли изъ его глазъ, — по-крайней-мѣрѣ Господь отнялъ у насъ Авеля тогда уже, когда дѣло, которымъ родъ нашъ съ такою постоянною вѣрностію занимается цѣлыхъ полтора вѣка, приходило къ концу. Къ чему теперь нашъ родъ на землѣ? прибавилъ Самуиль съ глубокимъ огорченіемъ. Развѣ мы не исполнили нашей обязанности? Развѣ въ царствѣ этомъ не королевское богатство? И не наступилъ-ли наконецъ тотъ день, въ который этотъ домъ, закладенный полтараста лѣтъ назадъ, откроется наследникамъ благодѣтеля моего дѣда?

Самуиль печально посмотрѣлъ на домъ, который видѣнъ былъ изъ окна его квартиры.

Въ эту минуту начинала показываться утрення заря. Луна скрылась за горизонтомъ: бельведеръ, а равно кровля и крыша дома чернѣлись на темной синевѣ звѣзднаго неба.

Вдругъ лице Самуила покрылось блѣдностью; онъ быстро вскочилъ и, указывая женѣ на домъ, сказалъ дрожащимъ голосомъ:

—Иезавель, опять семь свѣтлыхъ точекъ, какъ тридцать лѣтъ назадъ!... Посмотри, посмотри!

Въ самомъ дѣлѣ, семь круглыхъ отверстій, расположенныхъ въ видѣ креста въ свинцовыхъ доскахъ, которыми закрыты были окна бельведера, озарились довольно яркимъ свѣтомъ, какъ будто кто вошелъ съ огнемъ въ бельведеръ изнутри запертаго дома.

ГЛАВА II.

ДЕБЕТЪ И КРЕДИТЪ.

Въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ Самуиль и Іезавель стояли неподвижно, устремивъ съ безпокойнымъ страхомъ глаза на семь лучезарныхъ точекъ, блиставшихъ въ послѣднемъ сумракѣ на вершинѣ бельведера, между тѣмъ какъ на горизонтѣ, позади дома, начиналъ разливаться блѣдно-розовый свѣтъ, предвозвѣстникъ занимающейся зари.

Самуиль первый прервалъ молчаніе и, проведя рукою по лбу, сказалъ женѣ:

—Горестъ, причиняемая намъ воспоминаніемъ о нашемъ сынѣ, не позволила намъ разсудить, что въ этомъ странномъ свѣтѣ нѣтъ ничего страшнаго для насъ.

—Отъ чего-же, Самуиль?